



Научно-публицистическая

УДК 1(091):18

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.07

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕМИННОГО ОБРАЗА В КУЛЬТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЧАЛА XX в.

Л. Р. Миркушина

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226
E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию новых представлений поэтесс, философов об изменении собственной женской роли в общественной жизни на рубеже XIX–XX столетий. В работе рассматриваются творческие искания Зинаиды Гиппиус, Зиновьевой-Аннибал, Анны Мар, М. В. Безобразовой, А. Ахматовой, М. Цветаевой, которые под воздействием процесса эмансипации в Европе, расширения доступа к высшему образованию, а также появления героинь нового типа в русской литературе XIX в. чувствуют необходимость реализоваться не только в личной, но и в общественной жизни. Автор отмечает, что эпоха Серебряного века подарила новый идеал женщины, которая, преодолевая себя, стремилась избавиться от влияния устоев патриархального общества, но при этом сохранить традиционные женские свойства. Культурно-художественное пространство и философская мысль начала XX в., демонстрируя главные идеи эпохи, все больше начала уделять внимание вопросу взаимоотношения полов, в частности пыталось переосмыслить женский вопрос. Все более распространенным и обыденным явлением становилось отстаивание прав женщин, при этом жертвующих своими собственными интересами исключительно по идейным соображениям. Эта тенденция стала яркой чертой нашей культуры всего XX столетия и не потеряла своей актуальности в настоящее время, трансформируясь, конечно, в реалиях времени. К сожалению, значительное влияние на формирование эстетических и идеологических концепций оказывало несоответствие преобладающих стандартов о женском начале с их потребностью к самоутверждению, которая стала отличительной особенностью эпохи.

Ключевые слова: русская философия, Серебряный век, феминизм, гендерная проблематика.

© Миркушина Л. Р., 2022

Для цитирования: Миркушина Л. Р. Трансформация феминного образа в культурно-художественном пространстве начала XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 74–85. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.07>

Scientific and journalistic

UDC 1(091):18

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.07

TRANSFORMATION OF THE FEMININE IMAGE IN THE CULTURAL AND ARTISTIC SPACE OF THE EARLY XX CENTURY

Liya R. Mirkushina

Moscow City University,

2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, Russia, 129226

E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru

Abstract. The article discusses the formation of new ideas of poetesses, philosophers about the change in their own female role in public life at the turn of the XIX–XX centuries. The paper represents the creative searches of Zinaida Gippius, Zinovieva-Annibal, Anna Mar, M. V. Bezobrazova, A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, who, under the influence of the process of emancipation in Europe, expanding access to higher education, as well as the emergence of a new type of heroines in Russian literature of the 19-th century, feel the need to realize themselves not only in their personal but also in public life. The author notes that the era of the Silver Age presented a new ideal of a woman who, overcoming herself, sought to get rid of the influence of the foundations of a patriarchal society, but at the same time preserve traditional feminine properties. The cultural and artistic space and philosophical thought of the early 20th century, demonstrating the main ideas of the era, began to pay more and more attention to the issue of gender relations, in particular, they tried to rethink the women's question. An increasingly widespread and commonplace phenomenon was the defense of the rights of women, while sacrificing their own interests solely for ideological reasons. This trend has become a striking feature of our culture throughout the twentieth century and has not lost its relevance at the present time, transforming, of course, in the realities of the time. Unfortunately, a significant influence on the formation of aesthetic and ideological concepts was affected by the discrepancy between the prevailing standards of the feminine principle and their need for self-assertion, which became a distinctive feature of the era.

Keywords: Russian philosophy, feminism, Silver Age, gender mainstreaming.

For citation: Mirkushina, L. R. (2022). Transformation of the feminine image in the cultural and artistic space of the early XX century. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 74–85. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.07>

Введение

Список источников эпохи Серебряного века, тесно интегрируя с философией, послужила фундаментом к осмыслению женского образа в русской культуре и выдвинула на значимые позиции плеяду талантливых женщин. Под воздействием процессов феминизации и эмансипации в Европе, расширения доступа к высшему образованию (Высшие женские курсы), а также появления героинь нового типа в русской литературе XIX в. женщины чувствуют необходимость реализоваться не только в личной, но и в общественной жизни. По замечанию Л. В. Калачиной, «артистичная, изысканная и экстравагантная, изменчивая и таинственная, полная загадок и противоречий, бесконечно влюбляющаяся и вечно ускользающая женщина Серебряного века была непосредственной участницей культурных событий этого периода, имела все возможности для личностного и творческого самовыражения и предпочитала под стать духу времени скрываться под собственными женскими масками» [Калачина, 2010, с. 14].

Методы / Методологические основания

При проведении исследования были использованы системный и социокультурный подходы, которые позволили рассмотреть образ женщины с позиции трансформаций в системе миропонимания эпохи Серебряного века. С помощью метода герменевтики были выявлены философские идеи в художественных произведениях.

Результаты

В данный период поэтессы, стремясь воплотить свои способности на литературном поприще, прибегали к маске, в связи с несоответствием представлений мужчин-коллег о женском. Под маской понимается скрытие себя под мужским псевдонимом (З. Гиппиус — А. Крайний, Л. Денисов), использование мужского наряда, «проявление мужского характера: резкого, язвительного, независимого, сильного» [Ерохина, 2020 с. 172]. Но в то же время, вступая в противоречие с институциональными барьерами, представительницам эпохи «приходилось преодолевать множество стереотипов, в частности, стереотипы тех ролей, которые навязывали этим женщинам чаще всего близкие им мужчины и мужской мир, окружающий их» [Михайлова, 1998, с. 122]. Маска же позволяла соответствовать «маскулинным образцам творчества» [Воронина, 2020, с. 21], предстать перед публикой в том образе, к которому женщина стремилась с возможностью открыто говорить о вещах, которые ранее были бы невозможны, а также освободиться от некоторых традиционных запретов.

Зинаида Гиппиус, Нина Петровская зачастую писали произведения от мужского имени, несмотря на то, что семейные обстоятельства заставляли придерживаться традиционных правил. С одной стороны, женщина стремилась сохранить привычные свойства, навязанные патриархальным обществом, с другой — не всегда до конца принимала данные требования и бунтовала против них, что в некоторых случаях приводило к внутриличностному конфликту. Примером может послужить пьеса «Кольца» (1904) и роман «Тридцать три уroda» (1906), в которых Л. Д. Зиновьева-Аннибал воссоздала события личной жизни. Данные произведения воплощали в своей сюжетной линии идеи В. Иванова — мужа писательницы, планировавшего создать внутри семьи «новую Церковь, где Эрос воплощается в плоть и кровь» [Михайлова, 1998, с. 128]. Лидия Зиновьева-Аннибал, вынужденная жить в «тройственном союзе» с мужем и сначала с поэтом С. Городецким, а затем с М. Сабашниковой, привела героиню ее романа к самоубийству, так как тяжесть подобной ситуации оказалась слишком велика. В скором времени скоропостижно скончалась и сама писательница.

Такие необычные связи в период Серебряного века не исключение из правил. А. Чеботаревская и Ф. Сологуб, Л. Менделеева и А. Блок, З. Гиппиус и Д. Мережковский — самые знаменитые из подобных союзов. Кроме того, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский жили долгие годы совместно с публицистом Дмитрием Философовым. Сходные проявления стали, во-первых, желанием воплощения святого брака, во-вторых, битвой за духовное и художественное возрождение среды, государства. Подобный опыт с самого начала был безнадежно провальным. Невозможность изменить многовековой стереотип покорности женского пола, их извечного неравенства с мужским полом породила драматические финалы.

Так, Зинаида Гиппиус испытывала настоящие муки из-за противоречия между своим желанием равенства с мужчинами и реальностью.

Подобные глубинные противоречия типичны для некоторых представительниц слабого пола того времени. Рассуждая о непростой и парадоксальной литературной деятельности Анны Мар (псевдоним Анны Леншиной), основной тематикой которой стало постоянное стремление женщины к мукам, М. Михайлова замечает: А. Мар «одной из первых женским языком заговорила о невозможности дальнейшего существования женщины в мире, созданном и организованном мужчинами, который обрекает женщину на единственную роль — вечной искательницы любви и взаимопонимания. Ее творчество отражает определенную стадию существования женской литературы, ее, так сказать, феминного, женственного этапа, когда женщина продолжает жить по мужским стандартам» [Михайлова, 2000, с. 50].

Нежелание принять мужской половиной большинства современных женских героинь сказалось и на восприятии феминного творчества, которое один из крупнейших представителей русской литературы XX в. О. Мандельштам воспринимал «бессознательной пародией как поэтических изобретений, так и воспоминаний». Исходя из собственной позиции поэт и критик

высказывался, что «большинство московских поэтесс ушиблены метафорой» [Мандельштам, 1990, с. 275]. В свою очередь, В. Брюсов в феврале 1921 года на «Вечере поэтесс» отметил, что «и после революции женщины способны писать только о любви и страсти» [Дорфман, 1996, с. 49]. Не секрет: женщины не соглашались со словом «поэтессы», потому что видели в нем тенденцию к преувеличенной и неуместной чувственности и, по словам С. Бойм, «недостатку исторического чувства и исторической ответственности» [Boym, 1993]. Но именно этого у женщин Серебряного века было слишком много. По выражению делегатки первого Всероссийского женского съезда 1908 года К. Макшеевой, русская женщина «на протяжении своей многострадальной истории» показывала «и образцы святости, и подвиги самоотречения», но более активное участие в жизни общества подтолкнуло женщину «с беззаветной смелостью на подвиг, на борьбу», жаждать немедленной жертвенности ради великих целей [Макшеева, 1998, с. 277].

Анализируя данный период эпохи, хочется сказать о Марии Владимировне Безобразовой, первой женщине в стране, получившей настоящую высококвалифицированную подготовку в области философии. Являясь организатором женского движения, она участвовала в деятельности первого Русского женского взаимно-благотворительного общества и Этического общества [Кравченко, 2016, с. 32]. Побуждая рассматривать главное в человеке вне любого дифференцирования, общественная деятель не только призывала мужчин признать права женщин, но и женщин — к восприятию себя независимыми людьми. Безобразова уверена: «Женский вопрос не только наш кровный, нет, он самый глубокий для всех, и его неразрешение тормозит общую культуру» [Безобразова, 2009, с. 351]. Мария Владимировна особо подчеркивала, что предназначение женщины состоит не только в сохранении семейных ценностей и посвящению себя домашним хлопотам, а исполнять при этом роль самодостаточного и активного члена социума, высвобождаясь от зависимого положения от мужчины.

Эпохальные события начала века в России, как упоминалось ранее, значительно повлияли на творчество поэтов и писателей. Женщины, порывающиеся мучиться и терпеть «за всех», — новый символ художественной литературы. Характерны в этом смысле два произведения с одинаковым названием «Молитва» М. Цветаевой и А. Ахматовой. Цветаева создала «Молитву» в семнадцатилетнем возрасте в 1909 году и, угадывая свою страшную судьбу, обращалась к Богу с мольбой о смерти. В то же время ее душа жаждала отразиться в истории: «Всего хочу: с душой цыгана / Идти под песни на разбой, / За всех страдать под звук органа / И амазонкой мчаться в бой» [Цветаева, 2017, с. 49].

Анна Ахматова, создавая «Молитву» в страшные годы мировой войны (1915), готова была пожертвовать жизнью мужа, поэта Николая Гумилева, сражавшегося на передовой, и даже жизнью единственного сына; лишиться творческого дара во имя счастливого будущего России. Удивительно, как поэтический образ ее героини в этом произведении отличен от тех женских персонажей, которые были созданы литераторами-мужчинами в этот период.

«Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей».

[Ахматова, 1990, с. 99]

Самопожертвование она совершала не ради родных людей, жертвенность ее была безжалостнее и глубиннее. Она готова страдать за весь истерзанный народ. Бесспорно, в судьбе А. Андреевны эта жертва была претворена абсолютно: первый муж, Николай Гумилев, был расстрелян, третий муж, Н. Пунин, посажен в тюрьму, сын, Лев Гумилев (в будущем российский ученый, писатель, переводчик), подвергся репрессиям, а сама Ахматова испытала отчаянные годы терзаний и боли за близких и родину. Она сумела выжить в ленинградскую блокаду, выдержала непонимание и преследование со стороны правительства.

Поэтесса, не задумываясь, приняла трудный путь страны как свой крест. В пророческом для себя поэтическом произведении «Мне голос был...» (1917), А. Ахматова дает решительный, почти ультимативный ответ на просьбы тех, кто призывает ее бросить окровавленную Россию: «Оставь свой край глухой и грешный. Оставь Россию навсегда». Ее моральный выбор оказался прямым и, конечно же, непредсказуемым для большинства:

«Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух».

[Ахматова, 2019, с. 143]

Все последующее поэтическое творчество А. Ахматовой отмечено неистребимой верностью родине, острейшим психологическим анализом и внутренним глубоким переживанием в изображении исторических реалий, очевидцев и участниц которых она явится. Символичная поэзия стала для нее принципиальной позицией жизни, а не просто манифестом абстрактных мыслей.

Известно, что поэт Осип Мандельштам, со снисходительной улыбкой смотревший на поэтесс вообще, не только признавал, но и по достоинству оценивал творчество Анны Ахматовой. Он уверен, что она «принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века» [Мандельштам, 1994, с. 272]. По мнению ученых-литераторов, действительно в женских лирических персонажах второй половины XIX в. берут начало образы женщин-героинь Серебряного века.

Поэзия Ахматовой и Цветаевой удивляет силой гуманистических идеалов, «безмерностью» чувств, но даже в самых трагических сюжетах голос лирической героини звучит мужественно. Таким образом, поэтессы своим творчеством

запечатлели не только традиционный женский тип благой мученицы, но и в значительной степени тип женщины-героини. Исследователь В. Н. Кардапольцева обращает внимание на то, что «новые» [Кардапольцева, 2000, с. 95–96] женщины-героини русской литературы не были счастливы в семейной жизни, не реализовались как матери. Не просто так Ахматова в 1915 году в стихотворении «Колыбельная» написала «...спи, мой мальчик, / Я дурная мать».

Восторгаясь этими строчками, Цветаева, заимствовала их для стихотворения 1918 года «Памяти Беранже»:

«Дурная мать! — Моя дурная слава
Растет и расцветает с каждым днем.
То на пирушку заведет Лукавый,
То первенца забуду — за пером...»

В ранней поэзии женщин-авторов лирическим героиням не удается совместить любовь и творческий дар, хотя они еще к этому стремятся. Как утверждала Цветаева в одном из писем, «творчество и любовность несовместимы. Живешь или там, или здесь» [Цветаева, 2019, с. 111]. Они могут ради поэтического вдохновения отречься от простого человеческого, женского счастья, но сохранить нежность, самоотвержение и трагедийность. По мнению М. Цветаевой, «женщина остается безмолвной, если не творит как поэт и художник, но в этом случае она отождествляется с мужчиной» [Кардапольцева, 2000, с. 50]. Женщины Серебряного века, чтобы быть понятыми, должны были держаться в обществе неординарно, шокирующе, намеренно вызывая эпатаж, а декларировать свою волю могли только мужественностью.

Большинство женщин того времени не соглашались с Цветаевой. С. К. Исполатова, представитель на Первом женском съезде, критиковала позицию женщин, которые умышленно теряя женскую идентичность, подыгрывают мужчинам, считая недостойным выражение: «Вы рассуждаете чисто по-женски». И оскорбленная такими словами женщина, как считала С. К. Исполатова, «спешит поскорее сбросить с себя все женское, как что-то позорное, чтобы приобрести мужской ум и мужскую логику. В бессмысленном подражании мужчине она топчет в грязь свою духовную, творческую силу, свою волю, свою душу. Для определения своих природных свойств она пользуется мужской меркой, ибо собственная мерка не выработана. Она смотрит на себя мужскими глазами, а мысль ее — и та подчинена мужской цензуре. Есть исключения, но их пока немного» [Исполатова, 1998, с. 197]. Выход из данного положения Исполатова видит в изменении сознания всех и предлагает каждому служить примером своим поведением, меняя взаимоотношения между полами.

Выступая на съезде А. В. Тыркова заметила, «что русская женщина, двигая дело своего освобождения, в то же время помогает и всему освобождению России, потому что освобождение женщины есть не только ее личное движение вперед, но, больше того, оно накладывает печать на всю жизнь страны: только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь» [Первое общее собрание...].

В период смены культурных парадигм в начале XX в. в России, женщины стремились внести собственный вклад в ее преобразование. Они не только предлагали персонажей нового формата, но и сами становились проводниками современных идей. Женщины удивляли, волновали многих, потому что заставляли себя ненавидеть и не соглашаться с ними, однако ими восхищались и боготворили. Например, о Зинаиде Гиппиус современники писали, что «она сама делала новый век. Она создавала законы во всем: в одежде, в литературе, в вере» [Кардапольцева, 2000, с. 19].

Женщины того периода: благотворительницы, литераторы, ученые, просветительницы — внесли неоценимую лепту в развитие новой страны, эпохи. Хотя жизнь многих из них оказалась драматичной, даже безнадежной. Причиной этого стало столкновение, противоречие между действительностью и их неистребимым желанием к изменениям. Гибель старого мира была стремительной и происходила ужасающими способами, а появление нового еще не произошло. Об этой эпохе поэт Константин Бальмонт сказал: «Люди, которые мыслят и чувствуют на рубеже двух периодов, одного законченного, другого еще не народившегося... развенчивают все старое, потому что оно потеряло свою душу и сделалось безнадежной схемой. Но, предшествуя новому, они сами, выросшие на старом, не в силах видеть это новое воочию, — вот почему в их настроениях рядом с самыми восторженными вспышками так много большой тоски» [Бальмонт, 1997, с. 367].

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что в период Серебряного века появился необычный, свежий образ женщины нового типа, одновременно желающей и сбросить женственные качества, и освободиться от устаревших традиций. При таких обстоятельствах могли развиваться не только противоречия индивидуальности, но и случиться драматический финал. В одинаковой мере это можно сказать и об образах литературы, и о конкретных женщинах той непростой, но, несомненно, интересной эпохи. Вероятно, именно в этом скрыта парадоксальность, неоднозначность в изображении женских образов рассматриваемого периода истории, одновременно заключавших в себе антагонистические особенности личности.

Как видим, вся творческая деятельность века русского культурного ренессанса провозглашала важнейшие идеи того времени, стремясь определиться также и с общеизвестным женским вопросом — одним из самых острых на рубеже веков. Вся художественная культура молниеносно отзывалась на современные проблемы. Тем не менее прозаические жанры и другие виды искусства не могли апеллировать таким разнообразием выразительных средств, как поэзия. Поэзия как знамя Серебряного века сделала возможным остро, живо и пронизывающе очертить важные аспекты в осознании и видении

женской природы и женских образов в поворотный исторический момент. Именно тогда в символическом выражении были реализованы и типизированы поэтические изображения женщин, воплощены основные женские типажи, созданные или пересмотренные эпохой.

Через категорию Вечной Женственности Список источников XIX–XX вв., тесно интегрируясь с философией, послужила фундаментом к осмыслению женщины в русской культуре. Ведь женские образы эпохи становились воплощением просветительства, духовности и примером возрождения и очищения России. Подобные идиллические мировоззренческие установки неторопливо, но решительно обнаруживались в окружающей реальности. Становились обыденностью женщины, участвующие в борьбе за статус свободной, равноправной личности, одновременно жертвующие собственными интересами по высокоидейным убеждениям. Эта эволюция стала яркой чертой нашей культуры всего XX столетия и не потеряла своей остроты в настоящее время, трансформируясь, конечно, в реалиях времени. Несомненно, новая эпоха революционных веяний изменила образ Вечной Женственности, привела к утрате его ключевых признаков: олицетворение мысли о неразделимости мира, возможности вдохновлять к творчеству, довершать и оттенять мужское начало до гармоничной полноты и единства. Усилив равноправие и раскрепощение, новая действительность ускорила перерождение и роли женщины в обществе, и привычной Вечной Женственности.

К сожалению, значительное влияние на формирование художественных и концептуальных понятий сказывалось роковое несовпадение преобладающих стандартов о женском начале с их потребностью к самоутверждению, которая стала отличительной особенностью эпохи.

Список источников

1. Ахматова А. А. Когда в тоске самоубийства. Поэзия Серебряного века. М.: Эксмо, 2019. 672 с.
2. Ахматова А. А. Молитва. Собрание соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 99 с.
3. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 405 с.
4. Бальмонт К. Избранное. М.: Диамант, 1997. 448 с.
5. Безобразова М. В. Розовое и черное из моей жизни. М.: Аграф, 2009. 480 с.
6. Воронина О. А. Женщины и художественное творчество: гендерный анализ // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 217–224.
7. Дорфман Л. «Серрапионова сестра» Елизавета Полонская и критическое восприятие женской лирики // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996. № 4. С. 46–53.
8. Ерохина Т. И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 169–179.
9. Исполатова С. К. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя // Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург). С. 197–205.

10. Калачина Л. В. Феномен женской маски в культурно-художественном пространстве серебряного века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 теория и история культуры. Саранск, 2010. 19 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19322889> (дата обращения: 21.10.2021).

11. Кардапольцева, В. Н. Женские лики России. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2000. 160 с.

12. Кравченко В. В. Творчество М. В. Безобразовой: из предыстории гендерных исследований в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 32–40.

13. Макшеева К. Нравственная сторона русской женщины в литературе и в жизни // Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург). С. 277–284 // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 405 с.

14. Мандельштам О. Литературная Москва // О. Мандельштам. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 275 с.

15. Мандельштам О. Э. Письмо о русской поэзии // О. Мандельштам. Соч.: в 2 т. / сост. О. Дорофеева. Т. 2. Проза. М.; Тула: Филин, 1994. 383 с.

16. Михайлова М. В. Лица и маски русской женской культуры Серебряного века // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 117–132.

17. Михайлова М. Диалог мужской и женской культур в русской литературе Серебряного века: «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum» // Russian Literature. North-Holland. 2000. Т. 45. С. 47–70.

18. Первое общее собрание в зале Городской Думы 10 декабря 1908 г. Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург) // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 405 с. С. 169–181.

19. Цветаева М. И. Стихотворение Памяти Беранже, авторский сб. «Волшебный фонарь». М.; СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 1024 с.

20. Цветаева М. И. Стихотворения (1906–1916). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 592 с.

21. Boym S. «Loving in Bad Taste. Eroticism and Literary Excess in Marina Tseve-taeva's 'The Tale of Sonechka'» // Sexuality and the Body in Russian Culture / eds. J. Costlow, S. Sandier, J. Vowles. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. 357 p.

References

1. Ahmatova, A. A. (2019). *Kogda v toске samoubiistva. Poeziia Serebriannogo veka* [When in suicide angst. Poetry of the Silver Age]. Moscow: E'ksmo. 672 p. (In Russian).

2. Ahmatova, A. A. (1990). *Molitva. Sobranie sochinenij* [Prayer. Collected works]: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Pravda. 99 p. (In Russian).

3. Ajvazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia (Oчерki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history. Documentary materials)]. Moscow: RIK Rusanova. 405 p. (In Russian).

4. Bal'mont, K. (1997). *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Diamant. 448 p. (In Russian).
5. Bezobrazova, M. V. (2019). *Rozovoe i chernoe iz moei zhizni* [Pink and Black from My Life]. Moscow: Agraf. 480 p. (In Russian).
6. Boym, S. (1993). Loving in Bad Taste. Eroticism and Literary Excess in Marina Tsvetaeva's 'The Tale of Sonechka'. In: *Sexuality and the Body in Russian Culture* (Costlow, J., Sandier, S., & Vowles, J. (Eds.)). Stanford, CA: Stanford University Press. 357 p.
7. Cvetaeva, M. I. (2019). *Stikhotvorenie Pamiati Beranzhe, avtorskii sb. 'Volshebnyi fonar'* [Poem in Memory of Beranger, author's collection The Magic Lantern]. Moscow; St. Petersburg: Azbuka-Attikus. 1024 p. (In Russian).
8. Cvetaeva, M. I. (2017). *Stikhotvoreniia (1906–1916)* [Poems (1906–1916)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media. 592 p. (In Russian).
9. Dorfman, L. (1996) «Serapionova sestra» Elizaveta Polonskaia i kriticheskoe vospriatie zhenskoi liriki [«Serapion's Sister» Elizaveta Polonskaya and Critical Perception of Women's Lyrics]. *Preobrazhenie. Russian feminist magazine*, (4), 46–53. (In Russian).
10. Erohina, T. I. (2020). Transformatsiia feminnykh stereotipov v sovetskoj kul'ture nachalaXX veka [Transformation of feminine stereotypes in soviet culture in the beginning of the twentieth century]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological Bulletin], (4, 23), 169–179. (In Russian).
11. Ispolatova, S. K. (1998). Samosoznanie zhenshchiny kak faktor obnovleniia obshchestvennogo stroia [Self-awareness of a woman as a factor in the renewal of the social order]. *Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (10–16 dekabria 1908 g., g. Sankt-Peterburg)* [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress (1908, December 10–16, St. Petersburg)], 197–205. (In Russian).
12. Kalachina, L. V. (2010). Fenomen zhenskoi maski v kul'turno-khudozhestvennom prostranstve serebriannogo veka [The phenomenon of a female mask in the cultural and artistic space of the Silver Age]. *Extended abstract of candidate's thesis*: 24.00.01. Saransk. 19 p. (In Russian). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19322889> (accessed: 21.10.2021).
13. Kardapol'ceva, V. N. (2000). Zhenskie liki Rossii [Female faces of Russia]. Ekaterinburg: Publishing house of the Humanitarian University. 160 p. (In Russian).
14. Kravchenko, V. V. (2016). Tvorchestvo M. V. Bezobrazovoi: iz predystorii gendernykh issledovanii v Rossii [Creativity M.V. Bezobrazovoy: From the Prehistory of Gender Studies in Russia]. *History of philosophy*, (21, 1), 32–40. (In Russian). Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26399149>
15. Maksheeva, K. (1994). Nravstvennaia storona russkoj zhenshchiny v literature i v zhizni [The moral side of the Russian woman in literature and in life]. *Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (10–16 dekabria 1908 g., g. Sankt-Peterburg)* [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress (1908, December 10–16), St. Petersburg)], 277–284. (In Russian).
16. Mandel'shtam, O. (1990). Literaturnaia Moskva [Literary Moscow]. In: *O. Mandel'shtam. Sochineniia: v 2 tomakh* [O. Mandelstam. Compositions in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 275 p. (In Russian).
17. Mandel'shtam, O. (1994). Pis'mo o russkoj poezii [Letter about Russian poetry]. In: Dorofeeva, O. (Comp.). *O. Mandel'shtam. Sochineniia: v 2 tomakh* [O. Mandelstam. Compositions in two volumes]. Vol. 2. Proza. Moscow; Tula: Filin. 383 p. (In Russian).
18. Mihajlova, M. (2000). Dialog muzhskoi i zhenskoi kul'tur v russkoj literature Serebriannogo veka: "Cogito ergo sum" – "Amo ergo sum" [Dialogue between male and female

cultures in Russian literature of the Silver Age «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum»]. *Russian Literature. North-Holland*, 45.

19. Mihajlova, M. V. (1998). Litsa i maski russkoi zhenskoi kul'tury Serebriannogo veka [Faces and masks of Russian female culture of the Silver Age]. *Gendernye issledovaniia: Feministskaia metodologiia v sotsial'nykh naukakh* [Gender Studies: Feminist Methodology in the Social Sciences]. Kharkov. (In Russian). Retrieved from: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_g.htm

20. Pervoe obshchee sobranie v zale Gorodskoi Dumy 10 dekabria 1908 g. [The first general meeting in the hall of the City Duma on December 10, 1908] (1993). Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (10–16 dekabria 1908 g., g. Sankt-Peterburg) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress (December 10–16, 1908), St. Petersburg]. In: Ajvazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviiia (Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history. Documentary materials)] (pp. 169–181). Moscow: RIK Rusanova. 405 p. (In Russian).

21. Voronina, O. A. (2020). Zhenshchiny i khudozhestvennoe tvorchestvo: gendernyi analiz [Women and fine arts: a gender analysis]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], (5, 116), 217–224. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Лия Рафиковна Миркушина — кандидат философских наук, ассистент, Московский городской педагогический университет.

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4

Lia Rafikovna Mirkushina — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Moscow City University.

129226, Russia, Moscow, 2-i Sel'skokhoziaistvennyi pr., d. 4

E-mail: mirkushinalr@mgpu.ru